

Кажарова Инна Анатольевна

ПОЭЗИЯ НАРЗАНА МАХОТЛОВА: ДИАЛОГ С МИРОЗДАНИЕМ

На материале произведений адыгского поэта Н. Махотлова исследуются эпизоды образного преломления законов мироздания, выявляются характеристики и смысл причастности к ним человека. Базовые метафоры, которыми представлены мир и человек, мировоззренческая позиция лирического субъекта позволяют сделать вывод о том, что диалог с мирозданием трансформируется в рассматриваемой художественной системе в диалог с человеком.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. III. С. 104-106. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Некоторые новеллы носят определенный дидактический характер, скажем, «Точка» [Там же]. Человеку, несомненно, надо стремиться к вершинам. Высокие горы с большими ледниками дают людям больше воды и прохлады, а человек чем выше поднимается по жизненной лестнице, тем богаче и светлее должна быть его душа, тем больше добра он должен сделать людям.

Интересна и другая новелла, «Испытание на мужество» [Там же]. От сильного мороза зимой некоторые ягоды гибнут, но другие становятся только слаще. В жизни так же: неблагоприятные обстоятельства, всевозможные тяжелые испытания требуют от нас большого запаса нравственной прочности, мужества. И человек, прошедший трудные испытания, остается человеком, он достоин любви, уважения, доверия, так как смог в трудных, часто бесчеловечных обстоятельствах, проявить нравственные потенциальные возможности. Потому и говорят, что один битый трех небитых стоит...

Таким образом, осетинская повесть 60-80 гг. XX в. сумела поставить важную творческую установку: освоить богатый жизненный материал, осмыслить его философски, взяв за основу «времен связующую нить». Эта творческая установка дает ощутимый художественный результат: заметно обогащается потенциал жанра, его внутренние возможности.

Существенные изменения жанровой сущности в осетинской повести наделяют ее романскими функциями в исследовании проблем человека, и определяют стратегические искания нравственно-этического направления литературного процесса 60-80-х гг. XX в.

Список литературы

1. Агузаров С. Честь. Повести. Орджоникидзе: Ир, 1985. 373 с.
2. Дзасохов М. Осетинский долг. Повести / пер. с осет. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
3. Ломидзе Г. И. Нравственные истоки подвига. Советская литература и Великая Отечественная война. Изд-е 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1985. 207 с.

MORAL VALUE CRITERIA AND GENRE TRANSFORMATIONS OF THE OSSETIC SHORT NOVEL

Elkanov Konstantin Ruslanbekovich, Ph. D. in Philology
North Ossetian State Pedagogical Institute
k.elkanov@mail.ru

The article deals with some peculiarities of the Ossetic prose of the XX century, which determines artistically the meaning of life, re-creates the moral view of the world, and studies the value orientations and norms of human beings. The fate of the hero is vitally connected with the fate of the people, with the national way of life and national culture. All this enriches the genre essence of the Ossetic short novel and gives it the novel functions.

Key words and phrases: Ossetian short novel; value orientations of a human being; national way of life and culture.

УДК 821.35.0

Филологические науки

На материале произведений адыгского поэта Н. Махотлова исследуются эпизоды образного преломления законов мироздания, выявляются характеристики и смысл причастности к ним человека. Базовые метафоры, которыми представлены мир и человек, мировоззренческая позиция лирического субъекта позволяют сделать вывод о том, что диалог с мирозданием трансформируется в рассматриваемой художественной системе в диалог с человеком.

Ключевые слова и фразы: диалог; законы мироздания; образ; лирический субъект; метафора.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru

ПОЭЗИЯ НАРЗАНА МАХОТЛОВА: ДИАЛОГ С МИРОЗДАНИЕМ[©]

Нарзан Шагирович Махотлов (1969) – представитель плеяды адыгских поэтов, вступивших в литературу в конце прошедшего столетия. Малоизвестные читателю авторы, почти ровесники, дружно заявили о себе в течение короткого периода – 1997 года, когда чередой вышли их сборники, выстроившиеся в своеобразную серию поэтических поисков нового поколения. Независимо от того, какие внешние обстоятельства обуславливают столь согласованное вхождение новых имен в литературу, каждое из этих имен по отдельности

удерживает в дальнейшем свою соотнесенность с группой, в которой оно впервые обозначилось [1; 2]. Примечательно, что у каждого из таких авторов могут при этом быть и более ранние, одиночные опыты, но если таковым не посчастливилось быть замеченными сразу, то их дебют приходится на подобное, «групповое вступление». В случае с творчеством Н. Махотлова сложилось примерно так же: до выхода в 1997 г. его сборника «Разговариваю с камнем» уже успели увидеть свет его «Мелодии сердца» (1994), а чуть позже обозначенной даты – «Стихотворения» (2001). После этого последовало затяжное молчание поэта, которое длится по сегодняшний день и, возможно, лишь предваряет качественно новый этап его творческого самовыражения.

Диалог с мирозданием, как одна из наиболее характерных форм движения поэтической мысли представителей обозначенного поколения, может послужить отправной точкой рассмотрения поэзии Н. Махотлова, причем особенно четко она обнаруживает себя в сборнике «Разговариваю с камнем». В данной статье мы остановимся на отдельных эпизодах образного преломления законов мироздания, определения характера и смысла присутствия в них человека. Для достижения этой цели рассмотрим базовые метафоры, в которых представлены мир и человек, мировоззренческую позицию субъекта лирики Н. Махотлова. Углубленная рефлексия по поводу закономерностей бытия, отточенной до мелочей устойчивости и повторяемости которых пытается дать обоснование каждое новое поколение мыслителей и художников, – проблема далекая не новая. Сразу скажем, что поколение, в котором фигурирует имя Н. Махотлова, в попытках истолкования этих законов не впадает в драматизм, не увлекается бунтарской риторикой, и происходит так потому, что их творчество, сформировавшееся на стыке разных эпох, – это главным образом средство не потерять себя в стремительном процессе смены ценностных парадигм. «Все они выросли в период бурных политических перемен, и, возможно, по этой причине большинство из них не столько движимо стремлением быть внедренным в поэтическую традицию с ее требованиями и ограничениями, сколько стремлением понять себя, найти свое место. Их поэзия – прежде всего средство самовыражения, потому чаще всего она оказывается ориентированной на целенаправленное движение от явлений внешнего мира к самим себе» [2, с. 60]. Определяющая мысль целого ряда произведений Н. Махотлова – незыблемость законов мироздания, которые по сути своей алогичны. К слову, не веря в Бога, мы беспрестанно кого-то выискиваем в небесах; уверовав в Бога, мы должны допустить и существование дьявола; чтобы ощутить полноту счастья, мы должны познать горе и т.д. Странность этих законов очевидна, но тем не менее с ними строго соотнобразуются все живое: «Ауэ жыІэт, – жи си гушІэм, – / ХьүмпІэцІэдэ пэт унэ щищІым, / КьемэщІэкІу щІы хьурейр, / Гуашхэ сыт щІыдрищІейр?!» («Сыт бэлхьым дыщІыхэтыр?») [Там же, с. 22]. / «Однако скажи-ка, – звучит в глубине моего сердца, – / Муравей и тот, когда строит дом, / Не довольствуясь простором земным, / Зачем холм возводит?» («Зачем мы маемся?..») (все подстрочные переводы наши – И. К.). Лирический субъект поэзии Н. Махотлова ставит вопросы, которые чаще всего остаются без ответа, однако в самом этом вопрошании, в констатации странных законов уже вызывает факт освобождения от иллюзий, постоянного пребывания на стыке парадоксов. В таком диалоге он чаще всего не предполагает услышать ответы, а иногда и вовсе не хочет их слышать, поскольку правда грозит оказаться слишком суровой («Дунейр ткьутэжмэ кьытшыщІынур сыт?...» [Там же, с. 30] / «Если разрушим мир, что станет с нами?...»). Адресатом в подобном диалоге может выступать мир, жизнь, Бог, современность, эпоха. Можно заметить, что метафоризация законов мироздания осуществляется вокруг семантических узлов «таинственность», «несовершенство», «ущербность». Отсюда такие образы, как мир-хранитель тайн («дуней-шэхуэхэ»), мир, подобный незавершенному стихотворению («дунейр усэ ныкьуэтхыу ильщ си пашхэ...»), жизнь, подобная неразумному поэту («ЦІыху гьашІэр ешхыц усакІуэ акьыл ныкьуэм, – / Утыку кьрехэ тхыль кьемыхьулар») [Там же, с. 35]. / «Человеческая жизнь похожа на полубезумного поэта, – / Выносит на публику неудавшееся произведение». Законы мироздания, логика которых порождает беспрерывно множасьщиеся вопросы, формируют в его сознании симптоматичную «модель мира». Так, земной шар – это точка в небесной бесконечности, расположенная под гигантским вопросительным знаком: «Зэман мышІагуэм пээр кьыдэскІуэ, / Пшыхэщхэу сьдэлпльейрэ пэт, / УпщІэ нагышэм кІэшІэс точкэу / Ди щІыльэр сфІушІ вагуэбэм хэт» [Там же, с. 76]. / «Когда с содрогнувшейся от смутного времени душой / В вечерний час взглянул на небо (я), / Под вопросительным знаком сидящей точкой / Наша земля показалась мне в созвездии расположенной». О том, какова роль пребывающего в гуще этих законов человека, Н. Махотлов рассуждать не склонен, идеал человека определяется в его поэзии по большей части опосредованно, через позицию лирического субъекта, в размышлениях о миссии поэта. Непосредственно же о миссии человека в мироздании он говорит не так часто, однако и в этих случаях вера в определяющую роль человека несомненна. Абсолютно в духе того образа, в который трансформируется мироздание, актуализируется и смысл присутствия человека в этом мире. Человек – это завершающая строка стихотворного произведения, в которой сосредоточен весь его смысл: «Дунейшхуэр усэу шытмэ... Цыхур / КупщІэу хьуар зыхэлэ иужь сатырщ» («Сэ си жагыуэщ цыхум зигьэпагэм...») [Там же, с. 101]. / «Если Вселенная – стихотворение... (То) человек / (Это) вобравшая в себя все его значение финальная строка» («Мне обидно, если человек возгордился...»). Притом, что законы, которые диктует ему бытие, чаще всего несправедливы, лирический субъект поэзии Н. Махотлова никогда не ощущает себя пылинкой мироздания, и в то же время он не «воспаряет» над Вселенной. Будучи глубоко осведомленным в законах мироздания, он виртуозно владеет искусством отталкиваться от противного в доказательство своих доводов: «Дунейр пфІэмыІэфІыжу ухьун папщІэ, / Зэ фІэкІ нэхь мыхьуми, фІышэу плыгьун хуейш» («Дунейр кьышхэжынуц зы зэман...») [4, с. 48]. /

«Чтобы охладеть к этому миру, / Надо (до этого) хоть раз, но безгранично полюбить его» («Обрушится когда-нибудь весь мир...»). Он умеет удерживать равновесие, оберегающее его от избыточной скорби и саморазрушения: «Гурыгуэгуэу щыткъым ди пщэдейр. / Арагъэнц дунейр щІэхъэлэмэтыр. / Уи псэр зыхуэныкъуэр занщІэу бгъуэттэм, / Къэбгъуэт псори хъунут пуджклей» («Хъэлэмэту къыгъэшІащ дунейр...») [Там же, с. 50]. / «Непонятен наш завтрашний день. / Потому, наверное, мир интересен. / Чего жаждет душа, если б сразу обретал ты, / Все обретенное обесценивалось бы» («Интересно устроен мир...»). Примечательно, что лирический субъект, постигающий царящие в мироздании закономерности, открывающий их безрадостный смысл, редко воспринимает их как личную драму. Здесь нет той единичности, которая обычно придает психологическое напряжение подобного рода «открытиям». Субъект или размышляет от лица «мы», или же, рассуждая от своего лица, обнаруживает интенциональную устремленность к обобщенному множеству, к человечеству. Всякая закономерность, формулируемая при этом в финале произведения, по своей емкости приближается к афоризму, потому даже в тех случаях, когда заходит речь о собственной судьбе, вырастает обобщающий контекст, в котором все оказываются равны. Таково, например, стихотворение «Когда-нибудь обрушится мой мир...» («Зэ мыхъуми зэ дунейр къыстекъутэнущ...»). Исполненное провиденциальных настроений размышление о судьбе собственных духовных достижений рисует поэту тревожные картины: сочиненные им песни бросают в огонь, убивают того, кто лелеет в своей душе светлые мечты, затем является сумрачный всадник и отнимает последнюю надежду на возможность когда-нибудь исполнить свою песню. Итоговая мысль произведения – в духе выверенной поколениями максимы – это неизбежный закон, в котором трагедия частного сливается с общечеловеческой: «ИтІанэ сэ слъэкІынщ къэспщытгъжыну / Гъуэгуанэу скІуар... / Упсэуэ сыту гугъу зэхэбгъэкІыну / УщІэпсэуар» [Там же, с. 53]. / «И тогда мне удастся осмыслить, / Какой путь мною был преодолен... / Живя, как трудно разобрать, / Зачем ты жил». Безусловно, присутствуют в поэзии Н. Махтлова тона, отчасти смягчающие жесткую неизбежность и незыблемость законов мироздания. Основной противовес этой безрадостности – чистота, в которой поэт провидит один из спасительных векторов устремленности как мира природы, так и мира человека, не случайно она рифмуется с добротой («къабзагъэ / гуапагъэ»). Но все это имеет характер умозрительный. Основной акцент, уравнивающий этот мир, приходится на человека. Человек в его поэзии если и не венец мироздания, то, во всяком случае, начало, способное его облагородить: «ГъащІэр фэншэ хъуауэ къызжевмыІэ – / ЦІыхум игъэдахэр ДАХЭ мэхъу!» («УситІ») [Там же, с. 47]. / «Не говорите, что жизнь стала блеклой – / Все, что украсит человек, станет ПРЕКРАСНЫМ!». Его миссия в мироздании удачнее всего, как нам кажется, определена в сравнении «человеческая душа – очи Вселенной»: «Дунейм и нитІ цІыхупсэр тхъэм къыхъумэ...» («ЦІыхуфІхэр щІыльэм темытамэ...») [Там же, с. 65]. / «Да хранит Бог человеческую душу – глаза Вселенной...» («Если бы на земле не было множества хороших людей...»). Таким образом, диалог с мирозданием в поэзии Нарзана Махотлова, проходя стадию осмысления неизбежных и во многом алогичных законов бытия, трансформируется в конечном итоге в косвенный диалог с человеком.

Список литературы

1. **Бештокъуэ Хь. Къ.** Анэдэлъхубзэм и псынашхъэ (Бештоков Х. К. Родник адыгской словесности). Нальчик: Эльбрус, 2009. 230 с.
2. **Кажарова И. А.** К вопросу о статусе художественности новейшей литературы (на материале кабардинской поэзии) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. Выпуск 55. С. 59-66.
3. **МахуэлІ Н.** Мывэм сопсалъэ (Махотлов Н. Ш. Разговариваю с камнем). Нальчик: Эльбрус, 1997. 144 с.
4. **МахуэлІ Н. Ш.** Усэхэр (Махотлов Н. Ш. Стихотворения). Нальчик: Эльбрус, 2001. 184 с.

NARZAN MAHOTLOV'S POETRY: A DIALOGUE WITH A UNIVERSE

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology

*Kabardino-Balkarian Institute of Humanities Researches of the Government of Kabardino-Balkarian Republic
and Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Science
barsello@rambler.ru*

By the material of the works by the Adyghean poet N. Mahotlov the paper explores the episodes of imaginative interpretation of the universal laws, identifies the characteristics and meaning of human involvement into them. The basic metaphors by which a universe and a human being are represented, ideological attitude of a lyrical subject allow concluding that a dialogue with a universe is transformed in the investigated artistic system into the dialogue with a human being.

Key words and phrases: dialogue; universal laws; image; lyrical subject; metaphor.